

Л.Т. Соловьева

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ИНГУШЕЙ ПО АРХИВНЫМ ДАННЫМ 1830-х ГОДОВ

Историко-этнографическому анализу роли христианства в ингушском обществе посвящены несколько работ М.С.-Г. Албогачиевой, основанных в том числе и на обширных архивных свидетельствах [Албогачиева 2011а; 2011б]. Вместе с тем новые архивные материалы позволяют не только добавить интересные детали к уже известным фактам, но и понять причины того, почему довольно активная миссионерская деятельность со стороны Грузии (во второй половине XVIII — начале XIX в.) и Российской империи (с начала XIX в.) среди ингушей не имела успеха.

Один из архивных документов Центрального исторического архива Грузии (ЦИАГ), который содержит любопытные сведения о христианизации ингушей, относится к 1836 г. и называется «Отношения командира Отдельного Кавказского корпуса военному министру и рапорты Владикавказского коменданта о столкновениях между новокрещеными ингушами и магометанами и о принятии мер к усмирению их, присланные главноуправляющему в копии для сведения» [ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4175].

В этом деле имеется «Список Назрановским жителям ингушам, кто в Христианской вере и крестился и кто остался магометанской веры» [Там же. Л. 14], из которого явствует, что в 1830-е годы христианами здесь считалась довольно значительная часть ингушей: из 28 назрановских сел, в которых было 505 дворов, христиан было подавляющее большинство — 2868 чел. обоого пола, а «магометан» — 433 чел. Таким образом, формально около 87 % жителей этих ингушских селений считались христианами, и лишь 13 % — мусульманами.

В данном деле приводятся записи «допросов» нескольких ингушей, задержанных властями в ходе происходивших беспорядков. Записи содержат любопытные данные и позволяют

судить о том, каков был состав «новокрещеных» и в силу каких причин они соглашались стать христианами. Из «допроса» Араслана Мальсагова: «От роду мне, полагаю, будет 30 лет, из новокрещеных, веру сию принял я назад третий год, *смотря на других соседей и по совету назрановских старшин* (здесь и далее курсив мой. — Л.С.)». При этом он сетует на то, что их «не собрали предварительно и не спросили желания на принятие оной, а окрестили *наполовину*, т.е. в семье тех только, кои находились налицо, а бывших в отлучке оставили некрещеными, а также и тех, кои под разными предлогами не пожелали окреститься» [Там же. Л. 20].

Крещение части ингушей, тогда как многие односельчане и ближайшие родственники оставались «магометанами» и «идолопоклонниками», привело к возникновению целого ряда серьезных социальных проблем.

Из «допроса» Джанхота Бракова (26 лет): «Веру исповедую *идолопоклонническую*, а семейство мое окрещено назад тому 2 года, я же остался в то время неокрещеным, потому что заверил крестившего священника и пристава ингушевских и карабулакских народов сотника Гайтова, что я прежде был еще в малолетстве окрещен и представил им облыжно в доказательство *имевшийся у меня камушек* от бывшего священника в давнем времени в дер. Шелхи, и с того времени находясь на стороне новокрещеных» [Там же. Л. 22].

Араслан Мальсагов, объясняя причины своего желания отказать от христианской веры, рассказывал: «Более же всего беспокоило меня препятствие к Брачным союзам, ибо чрез окрещение и по различным верам между нами должны прекратиться в обществах дальнейшие *родственные связи*» [Там же. Л. 20]. Джанхот Браков отмечал, что «начал обижаться и роптать на <...> священников, которые крещением своим *расстроили меня со многими родственниками*, ибо некоторых в семье окрестили, а других оставили некрещеными» [Там же. Л. 23].

Поскольку не только внутри сельских общин, но и внутри семейных и родственных коллективов проходило разделение по религиозному признаку, это нередко придавало возникающим спорам и разногласиям оттенок межконфессионального кон-

фликта. Как говорится в документе, возникали «неудовольствия между Новокрещеными Ингушами и единоплеменниками их из Магометан». Так, ингуши-христиане препятствовали «назрановским магометанам» строить в селениях мечети ([Там же. Л. 4 об.], между ними возникали земельные споры [Там же. Л. 9]. В свою очередь и «магометане» «начали наносить новокрещеным обиды, притеснения и во всем насмехались» [Там же. Л. 21]; как отметил Араслан Мальсагов, «возникли со стороны магометан насмешки и разные поругания о принятии мною сей веры» [Там же. Л. 20].

Выход из этого положения ингуши-христиане видели в том, чтобы «переселиться крещеным от магометан по реке Назранке, где бы оные имели место жительства и посреди себя церковь, дабы исполнять в точности принятую ими христианскую веру» [Там же. Л. 22 об.], предполагалось даже переселить «магометан на реку Сунжу в течение 60 дней» [Там же]. Жители одного из ингушских сел предлагали иной выход: «Просить своего пристава и начальство vykрестить остальные 18 семейств, или позволить и нам остаться по-прежнему в иноверии» [Там же. Л. 24 об.].

Смущало ингушей и то, что они сами нередко принимали христианство по совету своих старшин и «почетных людей», подчиняясь их авторитету, а те впоследствии изменяли православной вере и принимали ислам. Так, Араслан Мальсагов рассказал в ходе «допроса»: «Прежде окрещенные в Тифлисе бывшим митрополитом Фиофилактом и в Назрани священниками наши *старуки и почетные люди* <...> броса православленную веру, исполняют мусульманские обряды, и первые вместо того чтобы подать собою нам пример, смеялись надо мной и над прочими новокрещеными» [Там же. Л. 20 об.].

Почитание новой веры «тягостною», требование «отмены Христианской веры» ингуши, как отмечал, в частности, Джанхот Браков, обосновывали также тем, что им так и не преподали основ христианского вероучения: «Прибыли к нам грузинские священники, но оные нас *ни к чему не учили*», после крещения священники «не делали никакого внушения и наставления, *в чем состоит вера и моя к ней обязанность*, потому что я грузинско-

го языка не знаю, и полагал, что могу по своему произволу отступать от оной веры и находиться, как пожелаю» [Там же. Л. 23].

Данный архивный документ еще раз подтверждает выводы исследователей о том, что в начале XIX в. для Ингушетии был характерен религиозный синкретизм; здесь можно было встретить и язычника, и христианина, и мусульманина [Албогачиева 2011б: 23; Великая, Виноградов 1983]. Судя по архивным материалам, в народном представлении исповедание христианской веры не являлось препятствием к тому, чтобы отмечать мусульманские праздники «по мусульманскому обычаю, и в то же время высказывать желание вернуться к вере языческой. В этих обстоятельствах нередко только карательные меры и использование воинских отрядов «убеждали» ингушей не требовать от властей освободить их «от исполнения христианских обрядов». Так, 2 апреля 1836 г. в предписании корпусного командира Владикавказскому коменданту говорится: «Полезнее было бы оставить майора Сулимовского в Назрани с бывшею при нем командою до совершенного восстановления порядка между новокрещеными Ингушами, тогда, может быть, они не решились бы опять возобновить свои требования об освобождении их от исполнения христианских обрядов и не было бы надобности приводить из Грозной войск, прибытие коих может произвести новое волнение в народе» [ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4175. Л. 5]. А в отношении корпусного командира военному министру от 23 апреля отмечается: «Новокрещенные ингуши, видя, что против них принимают решительные меры, поспешили изъявить безусловное согласие оставаться в принятой ими православной вере...» [Там же. Л. 9].

Очевидно, что в этот период влияние ислама в ингушском обществе было еще не особенно прочным, более авторитетными в народе оставались традиционные языческие верования. Так, Араслан Мальсагов, задержанный во Владикавказе, когда он «вместе с прочими новокрещеными, собравшимися <...> к Владикавказскому коменданту, просил по совету старшины Джемболата Мальсагова <...> об отмене Христианской веры», сообщил на допросе: «А веру Христианскую исповедовал бы по возможности ныне; но магометанином никогда быть не желаю, ибо и предки мои и других ингушей магометанами не были».

Поэтому, видимо, после того как Владикавказский комендант не разрешил им отступить от христианства, он собирался бежать, но «только не в Чечню, а к *галгаевцам*» (т.е. в горные районы Ингушетии, где сохранялись традиционные языческие верования, тогда как в Чечне ислам занимал уже более прочные позиции) [Там же. Л. 20 об. — 21].

Вместе с тем и многие мусульманские обряды, в частности мусульманские праздники, уже вошли в той или иной степени в народную культуру. Так, в донесении военному министру отмечалось: «Старшины новокрещеных Ингушей, прибыв в крепость Владикавказ, явились к полковнику Широкому и просили у него дозволения праздновать вместе с магометанами Байрам по мусульманскому обычаю. Полковник Широкий, отвергнув таковую их просьбу, заметил из разговоров их, что они не переменили своего мнения на счет веры, т.е. желание обратиться в прежнее *язычество*» [Там же. Л. 4 об.].

Несомненно, что нарушение традиционных социальных связей, возникновение конфессиональных барьеров между родственниками было неприемлемым для ингушского общества того периода. Родственная идентичность (а не конфессиональная) оставалась важнейшей для ингушей, о чем говорит и следующий факт: когда власти помощью силовых мер начали усмирять выступления «новокрещеных ингушей», к ним на помощь в первую очередь пришли их родственники-мусульмане: «Родственники их из магометан сами вызвались наблюдать за сохранением между ими тишины и ручались удержать их в повиновении, в чем и дали письменное обязательство. Споры о землях и другие несогласия они кончили между собой миролюбно» [Там же. Л. 9].

Библиография

Албогачиева М.С.-Г. Этнография и история ингушского народа в письменных источниках конца XVIII — первой трети XIX в. СПб., 2011а.

Албогачиева М.С.-Г. Влияние христианства на ингушское общество в исторической ретроспективе // Христианство на Северном Кавказе: история и современность. М., 2011б.

Великая Н.Н., Виноградов В.Б. Доисламский религиозный синкретизм у вайнахов // Советская этнография. 1983. № 3.